

НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В РОМАНЕ Г. ФЛОБЕРА «БУВАР И ПЕКЮШЕ»

М. Н. Недосейкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2014 г.

Аннотация: статья посвящена последнему роману Гюстава Флобера «Бувар и Пекюше» (1881), который считается одним из самых сложных и неоднозначных произведений классика французской литературы XIX столетия.

Ключевые слова: французская литература; Флобер; научное мировоззрение; поэтика реализма; книга.

Abstract: The last novel of Gustave Flaubert «Bouvard and Pecuchet» (1881) has been considered to be one of the most complicated and ambiguous works of literature of this world-famous French writer of the 19th century.

Key words: French literature; Flaubert; scientific view of the world; poetics of realism; book.

Последний, незаконченный роман Гюстава Флобера (1821–1880) «Бувар и Пекюше» (1881) занимает одно из примечательнейших мест во французской словесности XIX столетия. Можно смело утверждать, что он оказался на пересечении наиболее важных линий развития литературы. В творчестве Флобера данное произведение, во-первых, представляет собой своеобразное подведение итогов, очерчивает познавательные и художественно-изобразительные границы реалистического способа изображения действительности. Недаром, несмотря на очевидную связь «Бувара и Пекюше» с традицией философской повести XVIII в. [5, 502–504], французский писатель продолжал придерживаться привычных для него реалистических установок [9, 57–88]. Симптоматично, что даже в своих письмах, описывая чуть ли не бесконечную работу над произведением, Флобер упоминал главных персонажей как реально существующих людей. Например, в письмах середины 1870-х гг. он часто высказывался следующим образом: «У меня тоже были всякие неприятности этой зимой. К тому же Бувар и Пекюше тянут меня тихом, а вернее, силком прямо на тот свет. Из-за них я протяну ноги» [8, 151]. Или в письме к И. С. Тургеневу (8 ноября 1879 г.): «Бувар и Пекюше, кои имеют честь засвидетельствовать вам свое почтение, ныне переживают взрыв богомольных чувств» [8, 246].

Присутствуют и традиционные уже для Флобера сетования на необходимость работы без вдохновения, понимание писательства как долга, постоянная проработка реалистических деталей и фундаментальная теоретическая подготовка по любому вопросу. «Что касается «Бувара и Пекюше», я просто в отчаянии, что они идут так медленно. Ну и книга! Я уже полностью исчерпал все обороты, все слова, все приемы. Меня поддерживает только мысль, что

близок уже конец, но бывают дни, когда я просто плачу (буквально так!) от усталости, а потом все же собираюсь с силами, и тут же вновь сваливаюсь, словно старая загнанная кляча» [8, 271].

Здесь, конечно же, бросается в глаза удивительная уверенность Флобера в исчерпанности художественных возможностей выбранного им подхода. Объект описания оказался настолько многогранным, что вынудил писателя использовать весь существующий литературный арсенал. В результате Флобер обозначил один из любопытнейших эффектов реалистической эстетики: чем обычнее и проще материал, тем сложнее его адекватно выразить с помощью художественного слова.

Во-вторых, в романе подводится итог тому повсеместному увлечению наукой, которое охватило практически все европейское образованное общество. Хорошо известно, что и сам Флобер не избежал этой действительно эпохальной веры в силу научного знания, в ее абсолютную непогрешимость. Ведь именно отсюда его манера подготовки к написанию романа, постоянные сравнения писателя с ученым, исследователем, врачом, стремление понять место научного мышления в западноевропейской культуре (о чем, между прочим, совершенно однозначно сигнализируют все редакции такого художественного проекта, как «Искушение св. Антония»). Научные высказывания возникают в его письмах по самым неожиданным поводам, включая, например, политику: «Чтобы оправиться, Франции надо перейти от вдохновения к науке, оставить в стороне метафизику и заняться критикой, то есть изучением сути вещей» [10, 74]. И еще: «Дело не в мечтаниях о том, какая форма правления лучше, поскольку все они стоят друг друга, а в преобладании науки. Вот наиболее спешное дело <...> Политика до тех пор будет сущим вздором, пока не окажется в полной зависимости от науки» [10, 389].

Такое стремление к точному знанию не было, конечно же, исключительно флюберовской чертой. Хорошо известно, например, что различные научные дисциплины занимали в стихийно складывающейся эпохе реализма ведущее положение. Сама тяга к правдивому, адекватному, объективному описанию зачастую приравнивалась именно к научному подходу. Недаром в известном «Предисловии к "Человеческой комедии"» (1842) Бальзак в качестве образца для подражания берет работы французского зоолога Ж. Сент-Илера, а Стендаль всерьез опасался, что его роман «Красное и черное» (1830) может быть воспринят только как научно-психологический трактат, а не как художественное произведение. Думается, что именно в силу этих установок в сознании широкой читательской публики, равно как и в представлениях многих писателей XIX века наука и реализм выглядели смежными явлениями, находящимися в постоянном взаимодействии.

Обе выделенные здесь причины, обозначающие специфическое место последнего романа Флобера, явно обладают одной общей чертой: они предполагают некое «подведение итогов». Сама по себе такая писательская позиция обладает целым рядом довольно многозначных характеристик, прекрасно обозначенных Р. Бартом в эссе «Разделение языков» (1973). При этом, по мнению ученого, наиболее важное флюберовское достижение в «Буваре и Пекюше» стоит связывать с созданием особой области неопределенности, под влияние которой попадает и сам автор произведения. Флобер «нигде не показывает своей окончательной внеположности» [1, 522] по отношению к персонажам и их интеллектуальной деятельности, авторскую точку зрения предельно трудно обозначить и четко пересказать.

Такая, думается, во многом сознательная, писательская стратегия дала о себе знать сразу после выхода романа в свет. Очень быстро сформировались основные исследовательские позиции, сопровождающие этот текст вот уже более ста пятидесяти лет. Их всего три: в соответствии с первой точкой зрения, считается, что Флобер изобразил познавательный тупик науки, науки как таковой в ее целостности. Вторая традиция придерживается того взгляда, что писатель скорее критикует ту популярную форму научного знания, которая стала модной в европейской культуре. Третья группа исследователей считает, что главным объектом «Буvara и Пекюше» является буржуа, который все оглушает вокруг себя, включая даже и науку [5, 499–501; 2, 231–235].

Каждая из этих интерпретаций опирается на флюберовский текст, каждая действительно подходит для объяснения удивительного сюжета романа, который здесь, думается, стоит кратко напомнить. Два случайно познакомившихся переписчика, Бувар и Пекюше, выйдя на пенсию, решают поселиться в деревне. Их жизнь с этого момента представляет собой удивитель-

ную череду разного рода увлечений: от садоводства до философии. К сожалению, их преследует череда постоянных разочарований, так как осваиваемая научным методом та или иная область человеческой жизнедеятельности всякий раз оказывается слишком противоречивым и сложным объектом. Идеальная жизнь на природе в соответствии с достижениями современной научной мысли никак не дается им. В концовке первого тома (Флобер так и не успел его дописать, но сохранился хорошо прописанный план) оба персонажа возвращаются к своему самому любимому делу – переписыванию уже существующих документов.

Второй том должен был состоять только из выписок главных персонажей из тех книг, которые они прочитали. Именно поэтому, между прочим, писатель был абсолютно уверен, что эта часть произведения будет создана в очень короткие сроки. Характер этих выписок известен: это собрание глупостей выдающихся деятелей истории, явно корреспондирующих с еще одной незаконченной работой Флобера – «Лексиконом прописных истин». Вот несколько характерных примеров: «Женщины в Египте публично совокуплялись с крокодилами» (Прудон, О праздновании воскресенья, 1850); «Собаки бывают обычно двух противоположных окрасок: светлой и более темной. Это устроено для того, чтобы мы могли разглядеть собаку на фоне мебели, в каком бы месте дома она не находилась, иначе ее окраска слилась бы с окраской мебели» (Бернарден де Сен-Пьер, Соответствия в природе); «Никогда не существовало царствующей семьи плебейского происхождения. Если бы такой феномен появился, это составило бы эпоху в истории мира (де Местр, Санкт-Петербургские вечера)» [цит. по: 3, 218, 221]. В первом же томе подобного рода глупостей не меньше, просто их авторство не всегда эксплицировано.

Повторим еще раз: ярко выраженная полисемантическая текста, его готовность соответствовать самым различным интерпретациям до сих пор вызывает некоторое смущение в исследовательских кругах. Пожалуй, по отношению к «Бувару и Пекюше» можно говорить о включенности любого аналитического усилия (в том числе и авторского дискурса) в логику развития романного повествования. Текст словно бы уничтожает дистанцию, необходимую для его критического понимания, предлагая вместо этого уже готовые интеллектуальные клише.

Впрочем, думается, что такая исследовательская ситуация все-таки не снимает окончательно вопроса, о чем этот роман написан и что думал о науке и ученых Флобер. По крайней мере, стоит попробовать разобраться в источниках означенной полисемантической. Другими словами, можно охарактеризовать и проанализировать те образы и мотивы, которые отвечают за многозначность внутри самого художественного текста, проследить логику их взаимодействия и попробовать дать ей объяснение.

Отправной точкой в изучении этого вопроса может стать выяснение причин постоянных неудач главных персонажей. В одном случае это связано с их попытками перенести сугубо теоретические знания в реальность. Каждый раз речь идет о том, что этот перевод должен иметь однозначный характер, то есть обязан осуществляться без малейших потерь. Выражаясь иначе, связь между теорией и практикой воспринимается ими как абсолютно прямая и прозрачная. К примеру, занявшись сельским хозяйством и садоводством, Бувар и Пекюше ничего не добились, так как книги, по которым они работали, противоречили друг другу. Реального результата нет по причине отсутствия единой, непротиворечивой теории. В другой раз, увлекшись медициной, они пришли к выводу, что «болезни чересчур многочисленны, средства сомнительны, и в книгах нельзя найти ни одного разумного определения здоровья, недуга, диатеза, ни даже гноя» [7, 205].

Несомненно, что имплицитное понимание науки как чего-то абсолютно устойчивого, надежного, неизменного и приводит главных персонажей к неудовлетворительным результатам. Теория и практика оказываются сложными образованиями, находящимися в противоречивых, запутанных отношениях, которые не укладываются в мировоззрение приезжих парижан. Они просто верят в науку, следовательно, очень слабо разбираются в ней. Более того, проводя эту логическую линию, Бувар и Пекюше приходят к максимально радикальной идее: они верят в науку, следовательно, ее почти что не существует. Недаром их изыскания часто заканчиваются подобными сентенциями: « – Возможно, что плодоводство – чушь! ». – «Как и агрономия! – ответил Бувар» [7, 183]. Если попробовать обобщить этот тип ошибок, то можно увидеть их источник в неосознанном наложении друг на друга двух мыслительных оппозиций: простое/сложное и устойчивое/неустойчивое.

Иной вид неудач, сопряженный с первым, связан с нарушением обычной последовательности действий. Бувар и Пекюше словно специально идут против традиционного порядка, делают все наоборот. Так, собираясь стать художниками слова, они решают сначала изучить эстетику, поэтику, грамматику, а уже потом приступить к написанию гениальных художественных произведений. Но, изучая грамматику, персонажи понимают, что «составители грамматик не согласны между собой. Одни видят красоту в том, что другие считают ошибкой. Соглашаются с принципами, отвергая следствие, допускают следствие, отрицая принципы, опираются на традицию, отбрасывают мастеров и пускаются в необыкновенные тонкости. Литре доконал Бувара и Пекюше своим утверждением, что орфография никогда не была и не будет неоспоримой. Из этого они заключили, что синтаксис – фантазия, а грамматика – иллюзия» [7, 258–259].

Понятно, что писателями главные персонажи не стали. Цель и средство здесь словно меняются местами, подменяют друг друга. Очевидно, что такое методически практикуемое переворачивание всякий раз блокирует возможность вообще что-либо сделать. Бувар и Пекюше сами выстраивают мир, в котором затруднено какое-либо поступательное движение к той или иной цели. Чего-нибудь добиться в этом случае просто не представляется возможным. Переворачивание создает изначальный семантический тупик. Потому и результат примерно тот же самый, что и при первом типе неудач: «Они начали строить рассуждения на прочной основе; она рушилась; и идея сразу исчезала, как улетает муха, когда готовишься ее поймать» [7, 319].

В романе существует еще одна разновидность ошибок, из-за которых оба персонажа так и не состоялись как настоящие ученые. Например, чтобы разобраться в относительно близкой для них эпохе – времени революции 1789 г. и царствования Наполеона – «нужно было бы прочесть все исторические книги, все мемуары, все газеты и все рукописные документы. Ибо малейший пропуск может породить ошибку, которая повлечет за собою другие. И так без конца. Они от этого отказались» [7, 240].

В данном случае, как представляется, причина неудачи кроется в особом понимании научного метода, в данном конкретном случае применяемого к историческому прошлому Франции. Деятельность ученого, конечно же, предполагает такие категории, как «открытость» и «бесконечность», которые связываются в сознании главных персонажей с интеллектуальной невозможностью что-либо довести до конца. Местоимение «все» является своеобразным воплощением подобной установки. Здесь же стоит отметить еще одну немаловажную черту. Для Бувара и Пекюше знание – это сумма всех фактов, следовательно, исключительно количественное понятие, границы которого никогда не будут четко очерчены. В результате создается полное впечатление, что любая наука словно подтачивает себя изнутри, опираясь во многом на случайный и всегда неполный набор фактов. Как заметил Ж. П. Сартр, правда, по отношению уже к писательским установкам самого Флобера: «...Наука чуть позже замечает, что представляет собой всего лишь имя для неведения...» [6, 549].

Выделенные типы ошибок, удивительным образом соответствующие трем обозначенным выше исследовательским позициям, позволяют сделать вывод, что в своем последнем романе французский писатель постарался охватить предельно широкую область человеческой жизни, которая в совершенно разной степени связана с наукой. Она включает в себя и собственно науку, и ее популярную форму, и людей, стремящихся во что бы то ни было приобщиться к ученому миру. Думается, что область эта имеет вполне четкое наименование – научное мировоззрение. Именно оно объединяет все рассмотренные варианты существо-

вания науки в обществе, а потому и является основной мишенью романа. Действительно, как раз научное мировоззрение становится в XIX в. важнейшей составляющей французской – и шире, конечно же, европейской – культуры. Только с учетом его появления (как массового феномена) можно понять повсеместно поддерживаемую экспансию научного метода в различные области человеческой жизни.

Любопытно, что при этом обычно ускользает от внимания тот факт, что как раз никакого научного мировоззрения быть не может, что в этом словосочетании изначально содержится противоречие. Ведь понятие мировоззрения предполагает возможность «дать ответы на все вопросы, которыми оно занимается» [4, 116], тогда как наука не может себе такого позволить. Глупость, постоянно притягивающая флюберовское внимание, здесь заявляет о себе уже самим фактом соединения науки и мировоззрения в одно целое. Ошибка, можно сказать, заложена, вписана в этот проект изначально.

Безусловно, наука страдает от этого союза в большей степени, так как «научное мировоззрение», по художественной логике Флобера, вообще может обходиться без внятной научной базы. В этом отношении нельзя не вспомнить о таком известном флюберовском персонаже, каким является аптекарь Омэ из романа «Госпожа Бовари» (1857). Напомним, что он не имел ни медицинского образования, ни какого-либо другого, что не мешало ему давать советы больным и писать, к примеру, довольно солидную работу – сочинение на семидесяти двух страницах с лишком, озаглавленное «О сидре, его производстве и действии, с некоторыми новыми рассуждениями по этому предмету».

Материальным же носителем научного мировоззрения, поддерживающим общую уверенность в легкой доступности научных знаний, у Флобера явно выступает книга. Именно она является основным семантическим архивом, из которого Бувар и Пекюше черпают все свои научные проекты. Думается, что в силу как раз этого положения книга для главных персонажей постепенно превращается в некоторый амбивалентный объект, одновременно и снабжающий знаниями, и запутывающий, сбивающий с толку. Ведь большинство ошибок в романе совершаются именно по причине излишнего доверия книжной информации, а не реальности (последняя, между прочим, ведет себя в произведении максимально мирно, нейтрально). Пространство же книги легко усваивает, принимает в себя и необычную последовательность действий, и разного рода иллюзии, и создает ощущение вечной неполноты человеческого знания об

окружающей действительности. Другими словами, книга подспудно отсылает к другой книге, создавая своеобразный смысловой лабиринт, выбраться из которого весьма и весьма затруднительно.

В этом контексте чрезвычайно характерно, что книга у французского писателя обладает и некоторой самостоятельной волей, активностью. Она словно атакует персонажей, увлекает их в собственное чрезвычайно сложное и противоречивое пространство, подменяя реальную жизнь исключительно книжной. Можно смело утверждать, что судьбы многих персонажей Флобера часто напрямую зависят от того, как они смогут преодолеть это искушение книгой. Так, Бувар и Пекюше, вернувшись к переписыванию, то есть к систематическому превращению печатного слова обратно в рукописное, попадают в иную область, область, предшествующую книге, а потому напоминаящую спасительное творчество. Тогда как аптекарь Омэ, к примеру, явно отдает предпочтение книжному существованию, которое продолжает подпитывать его научное мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Разделение языков / пер. С.Н.Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р.Барт. – М.: Изд-ая группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С.519-534.
2. Зенкин С. Н. Французский романтизм и идея культуры / С. Н. Зенкин. – М.: РГГУ, 2002. – 288 с.
3. Мопассан Г. де. Гюстав Флобер (II) / пер. с фр. М. П. Столярова // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: в 12 т. / де Г. Мопассан. – М.: Правда, 1958. – Т.11. – С.199-247.
4. Пятигорский А. М. О психоанализе из современной России // Пятигорский А.М. Избранные труды / А. М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.116-133.
5. Реизов Б. Г. Творчество Флобера / Б. Г. Реизов. – М.: Худож. лит., 1955. – 524 с.
6. Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флобер с 1821 до 1857 года / пер. с фр. Е.Плеханова / Ж.-П. Сартр. – СПб.: Алетея, 1998. – 648 с.
7. Флобер Г. Бувар и Пекюше / пер. с фр. И. Мандельштама // Собр. соч.: в 5 т. / Г. Флобер. – М.: Правда, 1956. – Т. 4. – 408 с.
8. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи. В 2-х т. / пер. с фр. под ред. А. Андрес / Г. Флобер. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 503 с.
9. Descharmes R. Autour de Bouvard et Pécuchet: études documentaires et critiques / R. Descharmes. – P.: Librairie de France, 1921. – 302 p.
10. Flaubert G. Correspondance / G. Flaubert. – P.: Bibliothèque Charpentier, 1893. – 398 p.